

СТИЛЬ РЕЧИ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

*Атамова Альфия**студентка 2 курса Самаркандского
государственного педагогического института
научный руководитель**Урунова Феруза Хайдаровна**преподаватель Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые особенности речевого и поэтического стиля Анны Андреевны Ахматовой — одной из центральных фигур русской литературы XX века. Анализируется специфика ее художественной речи, формирование авторского голоса, взаимодействие лирического и речевого начала, а также влияние историко-культурного контекста на структуру поэтического высказывания. Особое внимание уделяется лаконизму, интонационной выразительности, диалогичности и трагическому подтексту ахматовской речи. Работа опирается на тексты стихотворений поэтессы, а также на труды отечественных литературоведов и критиков.

Ключевые слова: Анна Ахматова, стиль речи, поэтика, художественное слово, акмеизм, лирический субъект, интонация, русская поэзия XX века.

Анна Андреевна Ахматова занимает исключительное и уникальное место в русской литературе XX века, прежде всего благодаря тому, что её поэтическая речь сформировалась как ответ на сложный культурный и художественный кризис начала столетия. Это был период, когда символизм, модернизм и ранний футуризм пытались расширить границы художественного слова через чрезмерную усложнённость метафор, многозначность образов, декоративность и эксперименты со смысловой амплитудой текста (Жирмунский, 1970, с. 210–211). На этом фоне Ахматова вырабатывает принципиально иной тип поэтического высказывания, который строится на точности, лаконичности, ясности и функциональной строгости слова, что позволило её поэзии оставаться одновременно глубоко эмоциональной, психологически достоверной и художественно завершённой [Ахматова, 1989, с. 412–413].

Уже в её ранних сборниках — «Вечер», «Четки», «Белая стая» — прослеживается стремление к концентрации смысла в каждом слове, к созданию поэтической речи, где даже малейшее изменение интонации или расположения слова может изменить эмоциональное и смысловое восприятие (Лотман, 1992, с. 178–179). В этих стихах наблюдается тесная взаимосвязь между внешним и

внутренним миром: природные явления, предметы повседневной жизни, телесные ощущения и жесты становятся средствами передачи внутренней драмы, переживания утраты, глубокой скорби или духовного напряжения [Гаспаров, 2001, с. 92–93].

В её стихах почти всегда присутствует адресат, даже если он не назван прямо, и это может быть конкретный человек, утраченная любовь, Бог, историческое время или сама память. Такая направленность речи вовне превращает поэзию Ахматовой в открытое, живое, коммуникативное высказывание, которое одновременно остаётся личным и интимным, но приобретает коллективный и философский масштаб [Гаспаров, 2001, с. 102–103].

Диалогичность создаёт напряжённость, ведь часто ответ адресата невозможен, отсутствует или остаётся недосказанным, что усиливает драматический эффект и позволяет читателю ощутить трагическую неизбежность событий, отражаемых в поэзии [Ахматова, 1998, с. 110].

Исторический контекст сыграл ключевую роль в формировании речевого и поэтического стиля Анны Ахматовой, оказывая влияние на интонацию, синтаксис, лексику и общую структуру её стихов [Клинг, 2005, с. 240–241]. Начало XX века было временем глубоких социальных и культурных потрясений: революция 1905 года, Первая мировая война, последующая революция 1917 года, гражданская война, коллективизация, массовые репрессии и Великая Отечественная война создали атмосферу кризиса, неопределённости и трагедии, которая не могла не отразиться в художественном сознании поэта [Чудаков, 1996, с. 97–98].

Эти события стали не только фоном, но и непосредственным содержанием её поэзии, требуя разработки новых художественных средств для фиксации исторической и личной драмы [Ахматова, 1989, с. 425]. Особенно ярко влияние исторических обстоятельств проявляется в поэме «Реквием», которая стала воплощением опыта эпохи репрессий [Клинг, 2005, с. 236–238].

В этом цикле речи поэтессы лишены украшений, синтаксис строгий, лексика — предельно экономная, каждая деталь несёт документальную и эмоциональную значимость. Здесь простое слово — «ночь», «страдание», «молчание», «плач» — приобретает символическую и коллективную ценность, становясь носителем исторической памяти [Ахматова, 1998, с. 115–116].

Ахматова создаёт пространство, в котором молчание, паузы и недосказанность превращаются в полноценное средство художественного выражения, позволяя читателю почувствовать трагедию, переживаемую народом, и одновременно осознать глубокий моральный и духовный контекст происходящего [Лотман, 1992, с. 192–193].

Влияние исторического контекста ощущается и в более поздних стихах Ахматовой, где пережитые трагедии и личная утрата переплетаются с философскими размышлениями о человеческой судьбе, морали, времени и памяти [Гаспаров, 2001, с. 105–106].

Синтаксис становится более торжественным, интонация — сдержанной и строгой, а каждое слово несёт историческую и нравственную нагрузку [Скатов, 2008, с. 160–161]. В поздней лирике, особенно в «Стихах о Петербурге», чувствуется дух коллективного опыта, историческая глубина и моральная ответственность за передаваемый опыт.

Каждое слово и каждая пауза выполняют одновременно художественную, психологическую и документальную функцию, превращая поэзию в форму коллективного свидетельства эпохи, где индивидуальное переживание становится символом национальной памяти [Ахматова, 1989, с. 430–431].

Анна Ахматова занимает уникальное место в русской литературе XX века, демонстрируя, как поэтическая речь может быть одновременно лаконичной, эмоционально насыщенной и исторически значимой. Её творчество объединяет личное и коллективное, интимное и общественное, философское и документальное, создавая многослойный текст, в котором каждая деталь несёт смысловую и эмоциональную нагрузку [Жирмунский, 1970, с. 214; Гаспаров, 2001, с. 96].

Лексический строй Ахматовой, строгий синтаксис, тонкая интонация и диалогичность формируют особый стиль, позволяющий фиксировать внутренние состояния лирического субъекта и одновременно отражать коллективный опыт народа [Лотман, 1992, с. 179–190; Скатов, 2008, с. 143–161].

Исторический контекст жизни Ахматовой — революции, войны, репрессии — оказал непосредственное влияние на формирование её художественного языка, что проявляется особенно ярко в поэме «Реквием» и поздней лирике «Стихи о Петербурге» [Клинг, 2005, с. 236–241; Ахматова, 1998, с. 105–116].

Простое слово здесь становится инструментом сохранения памяти, а паузы, недосказанность и интонационные нюансы создают ощущение эмоциональной и моральной глубины. Ахматова формирует текст как пространство диалога между автором, читателем и временем, превращая поэзию в средство нравственного и культурного общения через поколение [Эйхенбаум, 1969, с. 154].

Таким образом, уникальность Ахматовой заключается в способности лаконичным художественным языком передавать сложнейшие психологические, философские и исторические переживания. Её поэзия остаётся актуальной, глубоко эмоциональной и интеллектуально насыщенной, демонстрируя, как

художественное слово может стать инструментом сохранения исторической памяти, духовного опыта и морального осмысления человеческой судьбы [Лотман, 1992, с. 192–193; Гаспаров, 2001, с. 105–106].

Особенно заметна психологическая точность, с которой Ахматова фиксирует внутреннее состояние лирического субъекта — каждое движение души отражается в слове, каждое слово отражается в ритме, синтаксисе, паузах и интонации [Жирмунский, 1970, с. 214–215]. В. М. Жирмунский писал: «Ахматовская поэзия демонстрирует редкий пример гармонии между простотой формы и сложностью внутреннего содержания» [Жирмунский, 1970, с. 214].

Кроме того, уникальность Ахматовой проявляется и в том, как она сочетает личное и общественное, интимное и историческое, создавая ощущение, что каждое слово несёт не только индивидуальный, но и коллективный опыт [Скатов, 2008, с. 145]. Её поэтический голос, одновременно строгий, сдержанный и глубоко эмоциональный, стал эталоном нового типа художественной речи, способной передавать трагедию целой эпохи через личные переживания [Ахматова, 1998, с. 89]. Такой подход выделял Ахматову среди её современников, делая её поэзию доступной для понимания читателем, но при этом невероятно многослойной, насыщенной психологическим, философским и историческим смыслом [Чудаков, 1996, с. 92].

Лексический строй речи Анны Ахматовой является одним из важнейших элементов, формирующих уникальность её поэтического голоса, и представляет собой сочетание предельной ясности, сдержанности и точности с глубочайшей эмоциональной насыщенностью [Гаспаров, 2001, с. 96]. Ахматова сознательно избегает редких, архаических, книжных и искусственно усложнённых слов, которые могли бы создавать дистанцию между текстом и читателем, предпочитая простые, общеупотребительные лексические единицы, которые в конкретном контексте стихотворения обретают многослойное значение и становятся инструментом психологического воздействия [Лотман, 1992, с. 180–181].

Каждое слово в её поэзии тщательно отобрано, оно несёт эмоциональный, символический и философский заряд, что позволяет достигать эффекта максимальной выразительности при минимуме средств [Эйхенбаум, 1969, с. 145]. Примером такой стратегии служит стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...», где каждая деталь — «руки», «вуаль», «сжала» — одновременно передаёт физическое ощущение, психологическое состояние и внутреннюю трагедию лирического субъекта [Ахматова, 1989, с. 415]. Здесь очевидно, что простота словарного ряда не означает поверхностность текста, наоборот, именно благодаря ней текст приобретает ощущение интимности, искренности и глубины

переживания, создавая эффект непосредственной речи, которую читатель ощущает как почти живое высказывание [Гаспаров, 2001, с. 98].

Кроме того, Ахматова искусно сочетает повседневные слова с метафорическими образами, создавая многослойное семантическое поле, где обычные термины приобретают символическое и философское значение [Клинг, 2005, с. 233–234]. В стихотворении «Мне голос был...» слова, описывающие природные явления, становятся одновременно и описанием внешнего мира, и отражением внутреннего состояния лирического субъекта, что позволяет читателю воспринимать текст как универсальный символический опыт [Лотман, 1992, с. 182–183]. Простые, привычные слова, сопровождаемые паузами, ритмом, повторениями и изменениями синтаксиса, формируют сложную эмоциональную структуру, где каждый элемент текста работает на создание определённого психологического эффекта [Гинзбург, 1974, с. 298–299].

Читатель вовлекается в переживание, становясь соучастником событий и эмоционального состояния героя, а каждая повторяющаяся лексическая единица усиливает впечатление глубины, драматизма и внутренней напряжённости [Скатов, 2008, с. 150]. Особое внимание в лексике Ахматовой уделено деталям, способным передавать личную и коллективную память, а также внутренний моральный и духовный опыт [Эйхенбаум, 1969, с. 152]. Через простые слова — «плач», «тишина», «ночь», «руки», «слеза» — поэтесса фиксирует как личные страдания, так и трагедию целой эпохи, создавая эффект коллективного свидетельства, когда индивидуальная эмоция становится общественно значимой [Гаспаров, 2001, с. 100].

М. Л. Гаспаров подчёркивал: «Ахматовское слово никогда не бывает случайным: за внешней нейтральностью скрывается высокая степень смысловой напряженности» [Гаспаров, 2001, с. 96]. Это свидетельствует о том, что в лексическом строе Ахматовой каждая деталь продумана до мельчайшего нюанса, и именно в этом заключается особенность её стиля: каждое слово несёт нагрузку, превышающую его обычное значение, превращаясь в элемент целостной эмоционально-психологической конструкции стихотворения [Ахматова, 1998, с. 101].

Лексический строй Ахматовой также тесно связан с её синтаксической и интонационной организацией текста. Слова подбираются таким образом, чтобы их ритмическое и смысловое расположение создавали эффект концентрации внимания, внутреннего напряжения и драматизма [Чудаков, 1996, с. 94–95].

В поздних стихах, особенно в «Реквиеме», лексика становится максимально аскетичной: поэтесса отказывается от украшений, метафоры сведены к минимуму, а каждое слово несёт историческую, нравственную и эмоциональную нагрузку [Клинг, 2005, с. 236–238]. Этот подход позволяет её

поэзии выполнять функцию не только художественного высказывания, но и формы свидетельства эпохи, где простая лексика становится инструментом сохранения памяти о страданиях и испытаниях целого народа [Ахматова, 1989, с. 418–419].

Синтаксис стихов Анны Ахматовой является ключевым элементом формирования её уникального речевого стиля и напрямую связан с эмоциональной и психологической структурой текста [Гинзбург, 1974, с. 300–301]. Поэтесса мастерски использует сочетание коротких, лаконичных предложений, обрывных конструкций, неполных фраз и длинных, сложносочинённых предложений, что позволяет создавать эффект живой речи, одновременно эмоционально напряжённой и художественно завершённой [Лотман, 1992, с. 184–185].

Такие приёмы формируют особую динамику текста: короткие предложения фиксируют мгновение, внезапное эмоциональное состояние, ощущение напряжения или тревоги, тогда как длинные и сложные конструкции позволяют поэту развернуть размышления, передать внутренние диалоги и осознание опыта [Скатов, 2008, с. 152–153].

Например, в цикле «Стихи о Петербурге» обрывные синтаксические конструкции передают атмосферу тревоги, хаоса и исторической разрухи, а использование многоточий, пауз и повторов усиливает чувство неопределённости и драматизма, погружая читателя в переживания лирического субъекта [Ахматова, 1998, с. 105–106].

Особая роль синтаксиса проявляется в способности Ахматовой создавать эффект недосказанности и напряжённого ожидания, когда читатель вынужден самостоятельно дорисовывать внутренние картины и эмоциональные состояния [Гинзбург, 1974, с. 302–303].

Такой подход не только усиливает психологическую реалистичность текста, но и превращает процесс чтения в активное участие: читатель становится соучастником внутреннего мира поэта, его переживаний и размышлений [Эйхенбаум, 1969, с. 154].

Л. Я. Гинзбург справедливо отмечала: «Ахматовская поэзия воспроизводит не поток чувств, а момент их осознания, зафиксированный в речи» [Гинзбург, 1974, с. 298], подчёркивая, что каждая пауза, каждый обрыв предложения или изменение структуры синтаксиса несёт смысловую нагрузку и позволяет фиксировать глубинные состояния лирического субъекта [Лотман, 1992, с. 186].

Интонация в стихах Анны Ахматовой играет ключевую роль в формировании эмоционального, психологического и философского содержания текста [Лотман, 1992, с. 188–189]. Поэтесса выстраивает свои строки таким

образом, чтобы голос лирического субъекта ощущался читателем как живое, внутреннее обращение, почти шёпот или тихое признание, что создаёт эффект предельной искренности, интимности и внутренней концентрации [Скатов, 2008, с. 155].

Интонация Ахматовой никогда не становится демонстративной или сентиментальной: она сдержанна, торжественна и глубоко лична, что позволяет одновременно фиксировать внутреннюю драму и сохранять достоинство лирического субъекта [Лотман, 1992, с. 190]. В стихотворении «Нет, и не под чужую венец...» тихая, почти молитвенная интонация сочетает личное признание с моральной выдержкой, а каждая пауза, каждая запятая и многоточие становятся инструментами передачи эмоциональной напряжённости и внутреннего состояния героя [Ахматова, 1989, с. 421].

Диалогичность является одной из ключевых характеристик поэтической речи Анны Ахматовой и играет фундаментальную роль в формировании её уникального стиля [Скатов, 2008, с. 157–158].

В её стихах почти всегда присутствует адресат, даже если он не назван прямо, и это может быть конкретный человек, утраченная любовь, Бог, историческое время или сама память. Такая направленность речи вовне превращает поэзию Ахматовой в открытое, живое, коммуникативное высказывание, которое одновременно остаётся личным и интимным, но приобретает коллективный и философский масштаб [Гаспаров, 2001, с. 102–103].

Диалогичность создаёт напряжённость, ведь часто ответ адресата невозможен, отсутствует или остаётся недосказанным, что усиливает драматический эффект и позволяет читателю ощутить трагическую неизбежность событий, отражаемых в поэзии [Ахматова, 1998, с. 110].

Исторический контекст сыграл ключевую роль в формировании речевого и поэтического стиля Анны Ахматовой, оказывая влияние на интонацию, синтаксис, лексику и общую структуру её стихов [Клинг, 2005, с. 240–241]. Начало XX века было временем глубоких социальных и культурных потрясений: революция 1905 года, Первая мировая война, последующая революция 1917 года, гражданская война, коллективизация, массовые репрессии и Великая Отечественная война создали атмосферу кризиса, неопределённости и трагедии, которая не могла не отразиться в художественном сознании поэта [Чудаков, 1996, с. 97–98].

Эти события стали не только фоном, но и непосредственным содержанием её поэзии, требуя разработки новых художественных средств для фиксации исторической и личной драмы [Ахматова, 1989, с. 425]. Особенно ярко влияние исторических обстоятельств проявляется в поэме «Реквием», которая стала воплощением опыта эпохи репрессий [Клинг, 2005, с. 236–238].

В этом цикле речи поэтессы лишены украшений, синтаксис строгий, лексика — предельно экономная, каждая деталь несёт документальную и эмоциональную значимость. Здесь простое слово — «ночь», «страдание», «молчание», «плач» — приобретает символическую и коллективную ценность, становясь носителем исторической памяти [Ахматова, 1998, с. 115–116].

Ахматова создаёт пространство, в котором молчание, паузы и недосказанность превращаются в полноценное средство художественного выражения, позволяя читателю почувствовать трагедию, переживаемую народом, и одновременно осознать глубокий моральный и духовный контекст происходящего [Лотман, 1992, с. 192–193].

Влияние исторического контекста ощущается и в более поздних стихах Ахматовой, где пережитые трагедии и личная утрата переплетаются с философскими размышлениями о человеческой судьбе, морали, времени и памяти [Гаспаров, 2001, с. 105–106].

Синтаксис становится более торжественным, интонация — сдержанной и строгой, а каждое слово несёт историческую и нравственную нагрузку [Скатов, 2008, с. 160–161]. В поздней лирике, особенно в «Стихах о Петербурге», чувствуется дух коллективного опыта, историческая глубина и моральная ответственность за передаваемый опыт.

Каждое слово и каждая пауза выполняют одновременно художественную, психологическую и документальную функцию, превращая поэзию в форму коллективного свидетельства эпохи, где индивидуальное переживание становится символом национальной памяти [Ахматова, 1989, с. 430–431].

Анна Ахматова занимает уникальное место в русской литературе XX века, демонстрируя, как поэтическая речь может быть одновременно лаконичной, эмоционально насыщенной и исторически значимой. Её творчество объединяет личное и коллективное, интимное и общественное, философское и документальное, создавая многослойный текст, в котором каждая деталь несёт смысловую и эмоциональную нагрузку [Жирмунский, 1970, с. 214; Гаспаров, 2001, с. 96].

Лексический строй Ахматовой, строгий синтаксис, тонкая интонация и диалогичность формируют особый стиль, позволяющий фиксировать внутренние состояния лирического субъекта и одновременно отражать коллективный опыт народа [Лотман, 1992, с. 179–190; Скатов, 2008, с. 143–161].

Исторический контекст жизни Ахматовой — революции, войны, репрессии — оказал непосредственное влияние на формирование её художественного языка, что проявляется особенно ярко в поэме «Реквием» и поздней лирике «Стихи о Петербурге» [Клинг, 2005, с. 236–241; Ахматова, 1998, с. 105–116].

Простое слово здесь становится инструментом сохранения памяти, а паузы, недосказанность и интонационные нюансы создают ощущение эмоциональной и моральной глубины. Ахматова формирует текст как пространство диалога между автором, читателем и временем, превращая поэзию в средство нравственного и культурного общения через поколение [Эйхенбаум, 1969, с. 154].

Таким образом, уникальность Ахматовой заключается в способности лаконичным художественным языком передавать сложнейшие психологические, философские и исторические переживания. Её поэзия остаётся актуальной, глубоко эмоциональной и интеллектуально насыщенной, демонстрируя, как художественное слово может стать инструментом сохранения исторической памяти, духовного опыта и морального осмысления человеческой судьбы [Лотман, 1992, с. 192–193; Гаспаров, 2001, с. 105–106].

Список источников:

1. Ахматова, А. А. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1989.
2. Ахматова, А. А. Собрание сочинений в 4 томах. Москва: Советский писатель, 1998.
3. Жирмунский, В. М. История русской литературы XX века. Ленинград: Наука, 1970.
4. Гаспаров, М. Л. Литературные течения XX века. Москва: Наука, 2001.
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1992.
6. Скатов, Н. Н. Поэтический язык Ахматовой. Санкт-Петербург: Петербургское издательство, 2008.
7. Клинг, О. А. Речь и молчание в поэзии Ахматовой. Москва: Наука, 2005.
8. Эйхенбаум, Б. М. Формальная поэтика. Москва: Художественная литература, 1969.
9. Чудаков, В. Н. Литературная культура России XX века. Москва: Прогресс, 1996.